E39
452

E 39—
452

С. КУКУНІАНЪ.

Послѣдніе дни на Сахалинѣ.

Воспоминанія.

БАКУ.
Электропечатня газ. «Баку».
1910.

E 39 452

С. КУКУНІАНЪ.

Послѣдніе дни на Сахалинѣ.

Воспоминанія.

БАКУ
Электропечатня газеты „Баку"
1910.

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 30914 1990г.

ДВА СЛОВА.

Мои знакомые и друзья, при встрѣчахъ со мною, каждый разъ высказываютъ удивленіе, что у меня нѣтъ письменныхъ воспоминаній о долголѣтней моей ссылкѣ на Сахалинѣ. Иные называютъ съ моей стороны преступленіемъ то, что имѣющійся у меня богатый и интересный матеріалъ о Сахалинѣ я не предаю гласности.

Такъ говорятъ мои друзья и знакомые, и упреки ихъ я считаю естественными и справедливыми.

Въ самомъ дѣлѣ. Данте силою своего воображенія постигъ глубину человѣческихъ страданій въ аду и создалъ затѣмъ свой «Адъ». Я же, который не воображеніемъ, а въ дѣйствительности 16 долгихъ лѣтъ почувствовалъ на своей шкурѣ ужасы этого ада и по каплѣ выпилъ до дна чашу яда и горечи, почему я не долженъ былъ повѣдать міру, что такое 16-лѣтняя каторга, что такое Сахалинъ?

Но, находясь на Сахалинѣ, для кого я долженъ былъ описать жизнь каторжника? Кого я могъ заинтересовать?—Самихъ каторжниковъ... Но сами каторжники—воплощенное описаніе своей жизни.

Для себя, для собственнаго удовлетворенія?

Но человѣкъ, жизнь котораго имѣетъ меньше цѣнности для окружающихъ, чѣмъ рваная тряпка, которою вытираютъ ноги, человѣкъ, который навсегда потерялъ надежду быть свободнымъ, который не знаетъ, что дѣлается за ледяными берегами Сахалина,—можетъ ли человѣкъ въ такихъ условіяхъ думать о томъ, чтобы взять перо и написать свои воспоминанія?

Случалось... и не только со мною однимъ, но и со многими дѣйствительными литераторами, имена которыхъ широко извѣстны въ Россіи. Начинали писать, исписывали десять, двадцать, сто страницъ, а затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сжигали написанное или рвали на клочки.

Но теперь, когда я не на Сахалинѣ, и цѣпи не звенятъ болѣе на моихъ ногахъ, когда я пользуюсь уже цѣлыхъ три года свободою, хотя отъ словъ «каторжникъ» и «Сахалинъ» сердце мое сжимается въ тоскѣ и кровь приливаетъ къ головѣ,—теперь я все таки въ состояніи набросить нѣсколько страницъ о послѣднихъ дняхъ моихъ на каторгѣ: это тѣмъ легче для меня, что эти страницы —исторія моего освобожденія.

С. К.

I.

Я точно не помню, но кажется это было въ 1896-97 гг., когда на восточномъ побережьи Сахалина, въ постѣ Александровскомъ, поселились человѣкъ двадцать японцевъ, которые занимались рыболовствомъ и мелкою торговлею. Какъ торговцы, они побывали по своимъ дѣламъ во всѣхъ болѣе или менѣе населенныхъ, видныхъ пунктахъ острова и находились вслѣдствіе этого въ постоянныхъ сношеніяхъ съ русскими чиновниками и купцами. Однако, незнаніе русскаго языка являлось часто большимъ препятствіемъ для ихъ торговыхъ сношеній съ русскими, и неоднократно многіе изъ японцевъ обращались къ русскимъ купцамъ и просили достать имъ учителя русскаго языка.

Въ это время я уже былъ «квартирнымъ» каторжникомъ, и обстоятельства сложились такъ, что купцы мои предло-

жили именно мнѣ учить японцевъ русскому языку. Обратились они ко мнѣ еще потому, что до этого я былъ на Сахалинѣ единственнымъ каторжникомъ, занимавшимся съ дѣтьми разнаго ранга чиновниковъ, конечно, даромъ.

Что и говорить—я съ радостью согласился принять предложенную мнѣ работу за ничтожное вознагражденіе, и то, главнымъ образомъ, натурою. Но какъ бы ничтожно ни было мое вознагражденіе, оно все таки имѣло для меня большое значеніе, ибо я былъ отцомъ семейства и питались мы тогда только рыбою и картофелемъ, который произрасталъ неподалеку отъ моей избушки.

Я сталъ заниматься съ моими учениками. Они оказались довольно способными, быстро воспринимали уроки и вообще оставляли впечатлѣніе интеллигентныхъ, образованныхъ людей. И съ теченіемъ времени, чѣмъ больше я ихъ узналъ, тѣмъ пріятнѣе было сознавать, что они не смотрятъ на меня свысока, что они не относятся ко мнѣ такъ, какъ принято на Сахалинѣ относиться къ беззащитному и клейменному каторжнику. Они относились ко мнѣ, какъ равные къ равному. И сколько духовнаго удовлетворенія, сколько радости приносило мнѣ сознаніе этого. Только во время общенія съ ними я чувствовалъ, что мое

человѣческое достоинство уважается другими людьми, что я, будучи каторжникомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и человѣкъ. До того же, какъ въ каторжной тюрьмѣ, такъ и на «вольной» каторгѣ я въ теченіе долгихъ лѣтъ встрѣчалъ лишь презрительное и высокомѣрное отношеніе ко всему тому, что составляетъ святую святыхъ человѣка.

Надо сознаться, что мои ученики-японцы относились исключительно задушевно къ тѣмъ каторжникамъ, которые попадали на Сахалинъ за политическія преступленія, особенно, если они являлись представителями маленькихъ націй, населяющихъ Россію. Нѣкоторые изъ моихъ учениковъ сильно заинтересовались моимъ прошлымъ и спрашивали меня подробно о причинахъ моей ссылки на каторгу. Я разсказалъ имъ объ условіяхъ, въ которыхъ турецкая Арменія жила подъ гнетомъ турецкаго владычества, разсказалъ, какъ въ 1890 году я перешелъ во главѣ четы изъ 120 человѣкъ, въ Турцію, лелѣя мечту объ освобожденіи армянъ, разсказалъ о нашихъ столкновеніяхъ по ту сторону русско-турецкой границы съ курдами и турецкими войсками, о томъ, какъ попавъ снова въ Россію, мы были окружены русскими войсками и сдались имъ безъ сопротивленія, такъ какъ мы ничего не

имѣли противъ русскаго правительства. Разсказалъ, какъ одна часть моей четы избавилась тѣмъ, что во время, до осады русскими войсками, ушла въ горы, а насъ заарестовали, судили и приговорили къ каторгѣ на разные, но долгіе сроки...

Они слушали меня съ большимъ вниманіемъ, дѣлая время отъ времени свои замѣчанія. Впослѣдствіи въ японскихъ газетахъ появился въ сжатомъ видѣ разсказъ о моей ссылкѣ, написанный, очевидно, однимъ изъ моихъ учениковъ. Позже я сообщалъ имъ подробныя свѣдѣнія о современной армянской дѣйствительности, о политическомъ и экономическомъ положеніи армянъ, а они печатали періодически мои свѣдѣнія въ японскихъ газетахъ. Но, къ сожалѣнію, я не могъ сообщить имъ болѣе новыхъ данныхъ о нашей жизни, такъ какъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ ни я, ни другіе каторжане не получали никакихъ вѣстей съ родины и были совершенно отрѣзаны отъ остальнаго міра.

Занимаясь съ учениками моими по русски, я старался тѣмъ временемъ учиться японскому языку и черезъ нѣкоторое время порядкомъ таки ознакомился съ нимъ. Это обстоятельство въ свою очередь было причиной того, что мы еще

больше сблизились. И, такимъ образомъ, мое положеніе каторжника значительно измѣнилось къ лучшему, если вообще на Сахалинѣ существуетъ понятіе «лучшаго положенія». Но все таки, въ сравненіи съ другими моими товарищами по судьбѣ, я жилъ болѣе или менѣе сносно, опять таки по сахалинскому масштабу, конечно.

Скоро произошло еще одно, благопріятное для меня, событіе, которое еще больше облегчило мое положеніе.

Военный губернаторъ Сахалина, генералъ Ляпуновъ, во время одной ревизіи въ губернской тюрьмѣ, обнаружилъ тамъ большую растрату и другія злоупотребленія. Типографія, существовавшая уже двадцать лѣтъ, благодаря тому, что постоянно находилась въ рукахъ не свѣдущихъ и неопытныхъ лицъ, къ тому же еще недобросовѣстныхъ и неравнодушныхъ къ казенному добру, съ каждымъ годомъ давала все больше и больше убытковъ. Фактъ этотъ сильно возмутилъ генерала и онъ какъ то спросилъ начальника своей канцеляріи, нѣтъ ли среди каторжанъ человѣка, который былъ бы знакомъ съ типографскимъ дѣломъ. Начальникъ канцеляріи, дѣтей котораго долгое время я обучалъ грамотѣ, отвѣчаетъ, что такой человѣкъ среди каторжанъ имѣется.

— Кто онъ?—спрашиваетъ генералъ.

— Каторжникъ Кукуніанъ,—отвѣчаютъ ему.

— Позвать его ко мнѣ,—приказываетъ генералъ.

Съ типографскимъ дѣломъ я, дѣйствительно, былъ знакомъ еще со времени моего студенчества въ Петербургѣ, когда мы, кружокъ армянъ-студентовъ, издавали на армянскомъ языкѣ книги: «На разсвѣтѣ», «Данчо», «Атаманъ болгарской четы» и др.

Не помню, чѣмъ былъ я занятъ, когда пришли и сказали, что генералъ требуетъ меня. Но я уже изъ опыта зналъ, что когда меня звали къ кому нибудь изъ высшихъ должностныхъ лицъ, то за этимъ «приглашеніемъ» слѣдовало усиленіе репрессій и надзора, новая чаша физическихъ и нравственныхъ страданій. Иногда дѣло кончалось тѣмъ, что мнѣ вновь надѣвали кандалы, боясь вѣроятно, побѣга съ моей стороны. Получаемыя издалека инструкціи имѣли всегда самую непосредственную и тѣсную связь съ внутренней жизнью Россіи, особенно съ армянскимъ вопросомъ. Тотъ или другой крикъ протеста кавказскихъ и турецкихъ армянъ такъ или иначе отражался и отзывался, такъ сказать, на моихъ цѣпяхъ. Это и явилось причиной того, что приглашеніе генера-

ла породило въ моей хатѣ большое безпокойство; жена стала волноваться, я же, успокаивая ее, сказалъ, что дѣло вѣроятно въ какой нибудь провѣркѣ. Потомъ я направился къ канцеляріи губернатора. Когда генералу доложили обо мнѣ, онъ вышелъ.

— Вы Кукуніанъ?—спросилъ онъ, обращаясь ко мнѣ на «вы»—обращеніе, въ высшей степени рѣдкое на Сахалинѣ, чуть не особое благоволеніе со стороны высшаго начальника края къ безправному каторжнику.

— Да, я, г. генералъ,—отвѣтилъ я, ожидая съ нетерпѣніемъ, что новаго скажетъ мнѣ онъ.

— Мнѣ доложили, что вы знакомы съ типографскимъ дѣломъ, сказалъ онъ послѣ небольшого перерыва.

— Да, въ нѣкоторой мѣрѣ я знакомъ...

— Можете руководить типографскими работами?

— Могу.

— Въ такомъ случаѣ я васъ назначаю завѣдующимъ правительственной типографіей. Постарайтесь привести въ порядокъ дѣла типографіи, которыя не въ особенно завидномъ состояніи,—сказалъ онъ и, обратившись къ присутствовавшему здѣсь же адъютанту, приказалъ передать мнѣ мою новую должность.

Я не могъ вѣрить всему случившемуся: быть каторжникомъ и вдругъ, вмѣсто новыхъ репрессій, получить отвѣтственную должность? Адскія условія жизни на Сахалинѣ въ теченіе десятилѣтій какимъ то чудомъ испарились въ этотъ мигъ передъ моимъ мысленнымъ взоромъ. Только немного послѣ мое нервноприподнятое настроеніе стало по немножку спадать и я мало по малу успокаивался.

Надо сознаться, что я повелъ дѣло довольно хорошо и, сознаюсь безъ преувеличеній, типографія въ первый же годъ подъ моимъ управленіемъ дала больше прибыли, чѣмъ въ теченіе предшествовавшихъ 20 лѣтъ своего существованія.

Прошелъ годъ со вступленія моего въ должность управляющаго типографіей, когда генералъ Ляпуновъ, во время одного объѣзда и ревизіи острова, вновь заинтересовался типографіей, разсмотрѣлъ отчеты по дѣятельности типографіи за цѣлый годъ и нашелъ, какъ я уже говорилъ, что типографія не только не дала дефицита, но и принесла нѣсколько тысячъ рублей прибыли. Убѣдившись во всемъ этомъ, генералъ выразилъ мнѣ свое удовлетвореніе за добросовѣстное и умѣлое веденіе дѣла, а затѣмъ, обратившись къ правителю своей канцеляріи, спросилъ:

— А сколько жалованья получаетъ Кукуніанъ?

— Ничего, ваше превосходительство, —отвѣтилъ правитель канцеляріи, прибавивъ:—Кукуніанъ каторжникъ, а по закону каторжникъ долженъ выполнять всѣ порученныя ему работы даромъ...

— Я тоже знаю этотъ законъ!—разгнѣванно прервалъ его генералъ Ляпуновъ. Но я знаю также и то, что каторжникъ Кукуніанъ сумѣлъ лучше защитить интересы Его Императорскаго Величества, чѣмъ чиновники, получающіе жалованье, но отнюдь не каторжники... Назначить Кукуніану въ мѣсяцъ 30 рублей!

Каторжникъ и 30 рублей жалованья на Сахалинѣ—это исключительное счастливое стеченіе обстоятельствъ! Но на этотъ разъ меня интересовали не эти 30 руб., а то, что въ защитѣ моихъ человѣческихъ правъ я сдѣлалъ шагъ впередъ. Вѣжливое обращеніе генерала, выраженная мнѣ благодарность, 30-рублевое жалованье и его обращеніе ко мнѣ на «вы»,—были причиной настоящей революціи въ средѣ окружающихъ меня чиновныхъ и должностныхъ лицъ, и они, слѣдуя примѣру своего начальника, всячески старались обращаться со мною вѣжливо. Вотъ это обстоятельство и было главной причиной тому, что я сталъ

чувствовать себя, какъ сказалъ выше, немного удовлетвореннымъ, хотя много разъ приходилось наблюдать, насколько непривычно и тяжело для привыкшихъ къ «сахалинской атмосферѣ» чиновниковъ такое вѣжливое обращеніе съ каким-то каторжникомъ.

Напримѣръ, нѣкоторые изъ нихъ, подражая обращенію генерала Ляпунова со мною, говорили мнѣ «здравствуйте», подавали мнѣ руку. Но вообразимо ли, чтобы самый послѣдній канцелярскій сошка на Сахалинѣ подавалъ каторжнику свою руку?.. И дрожа, съ предосторожностями протягивали они, здороваясь, каждый день мнѣ руку и быстро отдергивали ее, какъ будто спасаясь отъ какой то ужасной опасности и радуясь, что этого «святотатства» никто не видѣлъ...

И я невыразимо страдалъ отъ того, что отказаться, отвернуться отъ подобныхъ рукопожатій я не могъ... Но что было дѣлать—заставляли условія... Такъ или иначе, въ сравненіи съ прошедшими годами, условія моей жизни были теперь значительно лучше...

II.

Произношу слова «прошедшіе годы» и дрожь пробѣгаетъ по всему моему тѣлу, когда передо мною воскресаютъ картины этихъ прошедшихъ годовъ. Чтобы

составить представленіе о томъ адѣ, который называется Сахалиномъ, нужно жить тамъ, почувствовать на себѣ всѣ ужасы его, иначе никакое описаніе и ничье перо не въ состояніи дать картину сахалинской жизни.

По моемъ возвращеніи въ Россію я прочиталъ книги Чехова и Дорошевича о Сахалинѣ, но въ нихъ я нашелъ одинъ лишь скелетъ сахалинской жизни. Чтобы понять Сахалинъ, надо лично перенести жизнь каторжника: видѣть и слышать совсѣмъ недостаточно.

Какой нибудь интеллигентъ или общественный дѣятель, докторъ, юристъ и инженеръ, будучи осужденъ и попадая по той или иной причинѣ на Сахалинъ, перестаетъ отнынѣ быть интеллигентомъ, докторомъ или адвокатомъ. Съ этого момента онъ... уже не человѣкъ, а только каторжникъ; одушевленное существо, кот. дано чувствовать, но не протестовать, мыслить, но не выражать своихъ мыслей; существо, которое работаетъ въ каменноугольныхъ копяхъ, тащитъ бревна на буксирѣ, пока оно дышетъ и двигается; безправный рабъ, котораго каждую минуту могутъ избить палками, заковать въ кандалы, приковать къ тачкѣ, словомъ, сдѣлать съ нимъ все, что угодно, безъ того, однако, чтобы онъ имѣлъ право протестовать или

даже думать о протестѣ, ибо и протесты и просто выраженія недовольства наполняютъ лишь до краевъ чашу страданій, усиливая репрессіи... Ужасно! Ужасно! Животныя счастливѣе каторжниковъ. О нихъ заботятся, защищаютъ, кормятъ ихъ. А каторжникъ, если къ тому еще онъ съ прошлымъ, образованный, интеллигентный человѣкъ? Послѣднія канцелярскія сошки съ особенною злостью преслѣдуютъ такихъ, топчутъ ихъ самолюбіе въ грязь, осмѣиваютъ, унижаютъ ихъ. Если случайно каторжникъ не замѣтилъ проходящаго мимо надзирателя и не снялъ шапки, не поклонился ему низко, то онъ никакъ не избѣгнетъ наказанія, если даже на много выше этого самаго надзирателя и по своему общественному положенію, и по происхожденію, и по образованію. Каторжникъ не имѣетъ права не видѣть, онъ долженъ видѣть! И сколько ихъ подвергалось ударамъ гибкихъ прутьевъ, сколько ихъ истязалось изъ за этого проклятаго «шапочнаго» вопроса. И если къ этому нашему безправному положенію прибавить исполненіе «каторжныхъ работъ», то только тогда будетъ понятно наше положеніе на Сахалинѣ...

На Сахалинѣ существовалъ законъ, по которому лѣсъ, потребный на нужды правительственныхъ учрежденій, дол-

женъ былъ срубаться и доставляться на мѣсто каторжниками. Эту работу поручали обыкновенно группѣ каторжанъ въ пять человѣкъ, съ инструкціей вырубать въ ближайшемъ лѣсу бревна такой то толщины и длины и доставить на нужное мѣсто. Мы отправлялись въ лѣсъ при морозѣ въ 60 градусовъ. На Сахалинѣ есть болѣзнь, которая даже при самыхъ ужасныхъ морозахъ нагоняетъ сонъ на человѣка; но кто заснетъ, тотъ уже пропалъ—онъ замерзаетъ. Когда мы отправлялись въ лѣсъ, на кого нибудь изъ насъ, въ лѣсномъ холодѣ и морозѣ, нападалъ этотъ сладкій сонъ, одолѣвалъ его быстро, и такъ хотѣлось улечься на снѣгу и спать, спать безконечно... До того силенъ и сладокъ этотъ убійственный сонъ. Всѣ твои чувства зовутъ тебя ко сну, и какъ будто невидимая желѣзная рука, схвативши тебя за голову, склоняетъ ее къ бѣлоснѣжной землѣ. Но въ то же время сознаніе приказываетъ: «не засыпай, прогони сонъ съ глазъ! А то замерзнешь!». И хорошо еще, если вблизи находятся товарищи, которые, видя это, принимаются тереть лобъ и шею, ломаютъ тебѣ члены и прогоняютъ сонъ или, точнѣе сказать, спасаютъ тебя отъ смерти.

Мы отправлялись въ лѣсъ. На бородѣ и усахъ нависали ледяныя сосульки. Мы

срубали огромное дерево, очищали его отъ сучьевъ и вѣтокъ и, впрягшись впятеромъ, тащили по снѣгу громадное бревно къ мѣсту своего назначенія. Чего-чего мы не переносили по дорогѣ: падали и снова подымались, снова падали и снова закоченѣвшими руками схватывали бревно, стонали, охали и, напрягая послѣдніе остатки ослабѣвшихъ силъ, снова тянули и тянули, пока не дотаскивали бревно до мѣста назначенія, разбитые, безчувственные, безъ силъ, вспотѣвшіе при 60 градусахъ мороза.

Но если принимающій бревно чиновникъ не въ настроеніи или сердитъ на кого нибудь изъ насъ, или, просто, ему приходитъ въ голову дикая прихоть и онъ желаетъ показать намъ свое всемогущество,—онъ со всѣмъ хладнокровіемъ отказываетъ въ пріемѣ бревна, рожденнаго изъ нашихъ страданій и крови.

— Бракъ!—кричитъ онъ.

Молча, безропотно, не произнося ни единаго слова, мы снова отправлялись въ лѣсъ по той же дорогѣ, чтобы снова испить до дна чашу страданій. И только чувство сильной, какъ ядъ, ненависти, разгораясь въ нашемъ сердцѣ, немного успокаивало насъ. И то хорошо, что мы умѣли ненавидѣть...

Случалось иногда, что въ то время, ко-

гда мы таскали бревна, къ намъ на помощь прибѣгали бывшіе каторжане, получившіе право гражданства, и облегчали нашу тяжелую работу: лишь несчастный можетъ сочувствовать своему собрату. Еще вчера они тонули въ томъ же морѣ страданій, въ которомъ тонемъ мы сегодня. Они понимали насъ и только они жалѣли насъ, протягивали намъ руку помощи.

Лѣтомъ, въ теплую погоду, когда не бывало необходимости защищаться отъ холода, мы часто оставались въ лѣсу, на мѣстѣ нашей работы, подъ слабымъ надзоромъ. Администрація каторги прекрасно знала, что какъ бы слабъ ни былъ надзоръ за нами, никто съ мѣста работы не убѣжитъ. И въ самомъ дѣлѣ. Кто рискнулъ бы бѣжать? Съ четырехъ сторонъ море, съ четырехъ сторонъ смерть. Весь Сахалинъ кишитъ бродягами-каторжниками, которые изъ за куска ремня или нѣсколькихъ копеекъ готовы разбить тебѣ голову кускомъ отточеннаго желѣза или просто толстой деревянной палкой.

Правда, бывали попытки бѣгства, но эти попытки предпринимали тѣ, у кого не хватало рѣшимости и смѣлости покончить съ собою разомъ, но кто обрекалъ себя на неизбѣжную гибель въ будущемъ. Иначе нельзя себѣ представить

людей, рѣшающихся броситься на кускѣ дерева въ океанъ, безбрежный и безконечный, не имѣя съ собою хлѣба,—поручить себя игрѣ волнъ и надѣяться, что когда нибудь онѣ вынесутъ тебя на берегъ. Только потерявшіе послѣдній лучъ надежды прибѣгали къ этому безумному шагу, съ мечтою умереть хоть за предѣлами Сахалина. И если океанъ поглощилъ ихъ, — или ихъ убивали во время погони, — какая въ томъ бѣда.

— Одной собакой убавилось! — говорила мѣстная администрація, занося спокойно въ формуляръ, что такой то каторжникъ убитъ тогда то.

Кромѣ перечисленныхъ непреодолимыхъ препятствій, было еще одно обстоятельство, которое являлось могилой для бѣглецовъ. Это — законъ, по которому мѣстные туземцы, айносы и гиляки, а также солдаты, за поимку или убійство бѣглецовъ-каторжниковъ, получали отъ казны вознагражденіе въ размѣрѣ трехъ рублей «за голову». Такимъ образомъ, каторжане на Сахалинѣ оцѣнивались какъ товаръ, въ три рубля каждый. А три рубля на Сахалинѣ такая крупная сумма, что изъ за нея многіе выходили на охоту за людьми...

Вслѣдствіе этихъ тяжелыхъ и многочисленныхъ условій, препятствующихъ удачному побѣгу, насъ оставляли, послѣ

окончанія «урока», на ночь въ лѣсу.

Закончивъ тяжелую, поистинѣ каторжную, дневную физическую работу, мы къ вечеру безсильно падали на землю, и, устремивъ взоры въ сторону, гдѣ вдали бѣлѣла узкая полоса материка и предавшись убійственно-тяжелымъ, грустнымъ мыслямъ, засыпали въ забытьи. Утромъ, вставая, мы ощущали волчій голодъ. Но откуда взять пищу? Каждому каторжнику даютъ въ день три фунта хлѣба, и во время тяжкой работы этотъ хлѣбъ съѣдается совершенно незамѣтнымъ образомъ. Но утренній голодъ бывалъ настолько силенъ, что у многихъ появилась привычка—недоѣдать всѣ три фунта и откладывать полъ фунта на другое утро. Сохранять въ цѣлости эти полъ фунта хлѣба въ карманѣ, и то ночью, представлялось часто невозможнымъ: всѣ были голодные люди, крали другъ у друга и моментально поглощали черствый хлѣбъ. Поэтому мы рыли землю глубиной до полъ-аршина, зарывали въ яму хлѣбъ, засыпали его землею и ложились спать на этомъ самомъ мѣстѣ. Но голодъ, всемогущій царь, который душилъ и другихъ каторжанъ, заставлялъ этихъ пасынковъ несчастья рыть подкопъ подъ насъ длиною до одного-двухъ аршинъ и даже до сажени, добираться до зарытаго хлѣба и доставать

его оттуда...

Мой разсказъ не является преувеличеніемъ; это обыкновенное явленіе на погребенномъ подъ снѣгами островѣ. Развѣ рѣдки случаи, когда въ побѣгѣ, послѣ долгихъ скитаній, голодъ доводитъ сахалинскаго каторжника до такого безумнаго состоянія, что товарищъ убиваетъ товарища и питается его мясомъ?

. . . . . .

Я не имѣлъ намѣренія этими нѣсколькими штрихами описать жизнь на Сахалинѣ, ибо наивно было бы на нѣсколькихъ страницахъ обнять жизнь Сахалина. Но и того, что я разсказалъ, достаточно, чтобы понять, въ какомъ привиллегированномъ положеніи, сравнительно съ моими товарищами по судьбѣ, находился я послѣ того, какъ былъ назначенъ управляющимъ правительственной типографіей, съ жалованьемъ въ 30 рублей. И если къ этому прибавить еще то, что у моихъ учениковъ-японцевъ я чувствовалъ себя человѣкомъ, а не паріемъ и жалкимъ каторжникомъ, то моя радость будетъ понятна всѣмъ...

III.

Какъ я уже замѣтилъ, мои ученики-японцы оказались въ высшей степени способн. и воспріимчивыми людьми: съ теченіемъ времени они овладѣли русскимъ языкомъ и научились говорить и

писать на немъ. Жажда знанія и обнаруженныя ими прилежаніе и трудолюбіе поражали меня. Быть мелкимъ торговцемъ и имѣть такое сильное желаніе къ изученію чужого языка—это было немного странно. Во всякомъ случаѣ, они не походили на многихъ и многихъ торговцевъ, видѣнныхъ мною, всѣ знанія которыхъ начинались и кончались съ аршина.

Среди японцевъ, моихъ учениковъ, былъ также фотографъ-любитель, который снималъ различные виды. Съ теченіемъ времени мои великовозрастные торговцы-ученики (имъ было отъ 28-35 лѣтъ) такъ привязались ко мнѣ, что захотѣли сняться со мною на группѣ. И мы снялись—я въ серединѣ группы, окруженный моими японцами-друзьями.

Наши уроки продолжались до тѣхъ поръ, пока мои ученики не стали мало по малу покидать островъ. Это началось за годъ до русско-японской войны. Случалось, что пять человѣкъ изъ нихъ уѣзжали въ Японію, и затѣмъ трое возвращались, или уѣзжало четверо, возвращался одинъ и т. д., пока, наконецъ, не остались трое, которые также покинули островъ и уѣхали совсѣмъ, какъ только распространилась вѣсть о войнѣ. Почему они на этотъ разъ уѣхали навсегда и не возвращались больше, никто не

могъ объяснить, да и не интересовался этимъ: купцы, молъ, закончили торговыя дѣла и уѣхали, что въ этомъ особеннаго... Въ торговой жизни это обыкновенное явленіе.

Послѣ отъѣзда моихъ учениковъ я сталъ чувствовать одиночество и не находилъ духовнаго удовлетворенія въ окружающей средѣ. Кончая работу въ типографіи, я занимался съ дѣтьми каторжниковъ. Это были голодные и несчастные люди и если даже они предлагали мнѣ плату, то развѣ протянулась бы моя рука за нею, добываемой цѣною крови. Съ этими дѣтьми я занимался уже давно, и это, вѣроятно, было одной изъ причинъ того, что я пріобрѣлъ среди окружающихъ нѣкоторую популярность.

Но вернемся къ нити прерванной исторіи.

Только человѣкъ, долго жившій на Сахалинѣ, можетъ понять, насколько населеніе этого острова оторвано отъ внѣшняго міра. Служащее сословіе еще что нибудь да узнавало о внѣшнемъ мірѣ, получая офиціальныя инструкціи и телеграммы. Такъ, къ служащимъ доходили кое какія отрывочныя вѣсти изъ Россіи... А каторжники? Если бы весь міръ провалился, или перевернулся бы, никто бы изъ насъ ничего не узналъ. Такъ, послѣ моего заточенія на каторгу, въ теченіе

цѣлыхъ десятилѣтій въ турецкой Арменіи имѣли мѣсто громадной важности событія, но объ этомъ я зналъ равно столько, сколько знаютъ о нихъ айносы или гиляки. Поэтому не было ничего удивительнаго, что въ теченіе цѣлыхъ двухъ почти мѣсяцевъ со дня начала русско-японской войны мы не имѣли ни малѣйшаго свѣдѣнія о ней, пока телеграфное агентство не сообщило объ этомъ въ типографію, гдѣ я былъ управляющимъ. Отсюда вѣсть о войнѣ разошлась по всему острову, проникнувъ во всѣ отдаленные уголки его.

Война вызвала среди насъ, каторжанъ, большой переполохъ. Она породила на Сахалинѣ разнообразныя настроенія, надежды и предположенія. Даже тѣ, кто потерялъ безвозвратно надежду на освобожденіе, кто и слушать не хотѣлъ про материкъ, ибо считалъ его навѣки потеряннымъ для себя, даже эти возродились и горячо спорили о томъ, что можетъ дать имъ война. Потерявшіе все, —дорогихъ людей, домъ, родину, семью и прожившіе на каторгѣ десятки лѣтъ люди старались скомбинировать всѣ будущія, еще неизвѣстныя тогда, послѣдствія войны такимъ образомъ, чтобы комбинація эта говорила въ ихъ пользу.

И въ это время военный губернаторъ на Сахалинѣ генералъ Ляпуновъ объя-

вилъ всѣмъ каторжанамъ на Сахалинѣ, что Государь повелѣлъ издать исключительно о насъ слѣдующій указъ, содержаніе котораго я привожу ниже въ краткихъ чертахъ:

1) Каторжникамъ, которые захотятъ записаться добровольцами противъ врага, считать одинъ мѣсяцъ каторги за одинъ годъ.

2) Право это немедленно же предоставить тѣмъ изъ каторжниковъ, которые уже зачислены въ крестьянское сословіе Сахалина.

3) Тѣмъ изъ каторжниковъ, которые будучи уже зачислены въ крестьянское сословіе, запишутся въ добровольцы и останутся на войнѣ до роспуска добровольческ. отрядовъ, предоставить право на казенный счетъ вернуться на родину и селиться гдѣ угодно по всей Россіи, также въ столицахъ и столичныхъ губерніяхъ, возвративъ имъ потерянныя по суду всѣ права.

Невозможно описать душевное состояніе каторжанъ и зачисленныхъ въ крестьянство бывшихъ каторжниковъ этого проклятаго острова, послѣ декларації сахалинскаго губернатора! О, уйти съ Сахалина! Для этого стоило не только записаться въ волонтеры и участвовать въ двухъ-трехъ стычкахъ, но и въ тысячахъ кровавыхъ битвъ. Только бы уй-

ти, какъ нибудь избавиться отъ этого ада!.. Пусть шальная пуля на полѣ брани раздробляетъ твой черепъ, пусть штыкъ японца вонзается въ твою грудь иль шрапнель 12-дюймоваго орудія разрываетъ твое тѣло на мелкіе клочки и трупъ твой станетъ пищей хищныхъ звѣрей, но только забыть эти цѣпи, не слышать ужаснаго ихъ звона, избавиться отъ условій, унижающихъ твое человѣческое достоинство, только бы еще одинъ разъ увидѣть сладкую, желанную родину и послѣ умереть!..

Вотъ эта идея завладѣла нами и держала насъ въ плѣну день и ночь.

Но съ другой стороны... какъ пойти въ добровольцы? Были каторжане испившіе чашу горечи до дна, которые говорили:

— Записаться въ добровольцы? Идти на войну и помогать... кому? Нѣтъ, не желаемъ.

Душевная борьба продолжалась во мнѣ долго: двѣ равныя силы возставали другъ противъ друга въ моемъ внутреннемъ мірѣ и терзали меня. Идти на войну или нѣтъ? Послѣ долгаго раздумья, стремленіе избавиться отъ Сахалина преодолѣло всѣ другія чувства и я внесъ свою фамилію въ списокъ добровольцевъ.

Число желающихъ отправиться добро-

вольцами на войну достигло 8---9000. Этотъ отрядъ каторжниковъ вооружили ружьями старой системы—берданками и присоединили къ мѣстнымъ гарнизонамъ. Получилась армія въ 16-17000 человѣкъ.

Послѣ того, какъ по Высочайшему приказу генералъ-лейтенантъ Ляпуновъ былъ назначенъ главнокомандующимъ всѣхъ вооруженныхъ силъ острова, Сахалинъ былъ раздѣленъ на три военныхъ округа. Южную часть острова, какъ наиболѣе отрѣзанную отъ остальной части, генералъ Ляпуновъ поручилъ особому командующему, а самъ сталъ во главѣ 10-тысячнаго отряда въ средней и сѣверной частяхъ. Я же, какъ управляющій военной типографіи и доброволецъ, долженъ былъ находиться при типографіи, слѣдовавшей за генераломъ для изданія приказовъ по войскамъ и инструкцій и, вообще, для руководства типографскимъ дѣломъ на войнѣ.

Въ началѣ лѣта ледъ на моряхъ, окружающихъ Сахалинъ, начинаетъ таять и пароходы получаютъ возможность подойти къ острову. Имѣя это въ виду, командующій войсками, укрѣпивъ южную часть острова, во главѣ съ своимъ отрядомъ покинулъ Александровскій постъ и остановился въ большой деревнѣ Рыковской, имѣющей 600-700 душъ населенія.

Этотъ шагъ генералъ Ляпуновъ предпринялъ съ тою цѣлью, чтобы въ случаѣ высадки японскаго десанта на берегъ онъ не былъ застигнутъ врасплохъ. Лѣто, однако, прошло, наступила холодная сахалинская зима, море замерзло, и уже не было опасенія, что японское войско высадится на Сахалинѣ. Генералъ Ляпуновъ издалъ приказъ вновь вернуться въ Александровскій постъ.

Здѣсь мы провели всю зиму, пока стало теплѣе и льды растаяли. Тогда нами завладѣло прежнее выжидательное настроеніе, что вотъ-вотъ японскіе суда покажутся у острова. Это нервное настроеніе, насколько помнится, продолжалось до начала іюля, когда генералъ Ляпуновъ вздумалъ вновь перебраться въ Рыковъ и укрѣпиться тамъ.

Но какъ разъ въ эти дни внезапно во всѣхъ уголкахъ Сахалина появились напечатанныя на русскомъ языкѣ прокламаціи, обращенныя со стороны японцевъ какъ ко всѣмъ каторжанамъ, такъ и ко всѣмъ зачисленнымъ въ крестьянское сословіе. Какими путями и кѣмъ были распространены эти прокламаціи, —было неизвѣстно, только въ нихъ говорилось, что русско-японская война тянется уже больше года, и въ теченіе этого времени японское войско не понесло ни одного пораженія, что русскія

силы какъ на сушѣ, такъ и на морѣ разбиты, что всѣ русскія укрѣпленія—Портъ-Артуръ, Мукденъ уже завоеваны японцами, что они приближаются теперь къ Харбину, Манчжурія уже въ ихъ рукахъ, а также и южная часть Сахалина, а вскорѣ они завладѣютъ и сѣверною его частью. Затѣмъ сжато разсказывается о томъ, какіе размѣры приняла революція внутри Россіи, говорилось, что японское войско приноситъ свободу русскому народу и что эта свобода вспыхнетъ скоро и на Сахалинѣ, для десятковъ тысячъ изгнанниковъ-каторжанъ.—«Знайте, что японское войско приходитъ, чтобы спасти васъ изъ рукъ того правительства, которое, заковавъ васъ въ цѣпи, предало васъ безвѣстнымъ терзаніямъ! Хотя ваше сопротивленіе не имѣетъ никакого значенія для побѣдоносной японской арміи, но тѣмъ не менѣе мы предупреждаемъ всѣхъ каторжанъ-добровольцевъ, что всѣ тѣ изъ нихъ, кто подыметъ оружіе на насъ, будутъ безпощадно наказаны!». Такъ приблизительно заканчивалась прокламація, оригинала которого сейчасъ у меня нѣтъ. Но я убѣжденъ, что духъ ея передаю точно.

Какъ бы въ доказательство словъ японской прокламаціи, скоро въ Александровскій постъ стали прибывать съ

южной части острова бѣглецы, каторжане-добровольцы, всѣ въ плачевномъ состояніи, израненные, въ пыли и грязи. Въ ужасныхъ краскахъ разсказывали они, какъ японцы, высадившись на берегъ, предали все разгрому, не щадя никого. Побѣдители безпощадно убивали всѣхъ сопротивляющихся имъ, а бѣглецовъ настигала ихъ кавалерія. Изъ каторжанъ добровольцевъ было перестрѣляно въ столкновеніяхъ и обезглавлено послѣ болѣе 2,000 человѣкъ. Корсаковскій округъ былъ полонъ трупами, деревни совершенно опустѣли и всѣ,—женщины, дѣти, старъ и младъ стали жертвами японской пули и штыка...

Вотъ какія вѣсти сообщали намъ бѣглецы съ юга, описывая тотъ ужасъ, который японскіе войска распространили тамъ. Было ясно, что японцы приводятъ въ исполненіе угрозы, обѣщанныя въ прокламаціяхъ—что не пощадятъ тѣхъ, кто подниметъ на нихъ оружіе. Было также ясно, что они насъ не пропустятъ и въ скоромъ времени придутъ и на сѣверъ. Но, несмотря на эти ужасныя вѣсти и описанія, мы почти совершенно не волновались и даже совсѣмъ не думали о томъ, что можетъ случиться съ нами завтра. Я, по крайней мѣрѣ, исполнялъ свое дѣло съ полнымъ хладнокровіемъ. Сахалинскіе ужасы сдѣлали наши серд-

ца настолько нечувствительными ко всякимъ, даже самымъ тяжелымъ, мукамъ, что никакая смерть насъ пугать не была въ состояніи. Я думалъ лишь о моихъ дѣтяхъ, которымъ цѣпи каторжника были еще незнакомы, и для которыхъ жизнь была еще нужна въ будущемъ, среди другихъ условій и въ другихъ мѣстахъ...

IV.

Японцы не заставили насъ долго ждать.

Было 10-е іюля 1905 года, когда въ то время, какъ мы были заняты нашими обычными дѣлами, на горизонтѣ показалось сначало одно, а затѣмъ и другое японское военное судно. Вскорѣ они исчезли. Не прошло и часа, какъ многочисленныя черныя точки покрыли поверхность моря — это были японскія военныя суда, числомъ около 100, подъ командою адмирала Катаямы, выстроившіеся верстахъ въ пяти противъ Александровскаго поста въ боевую линію. Все ясно показывало, что скоро начнется бомбардировка. Генералъ Ляпуновъ издалъ приказъ двумъ батареямъ занять береговыя скалы и изъ горныхъ орудій и ружейнымъ огнемъ отвѣчать японцамъ.

На слѣдующій день, часовъ послѣ 11,

съ японскихъ судовъ загрохотали пушки. Наши легкія орудія отвѣтили имъ со скалъ. Тогда японцы послали по направленію къ береговымъ скаламъ нѣсколько шрапнелей. Этимъ они ощупывали мѣстонахожденіе нашихъ. И когда они ихъ нашли, то открыли ужасный адскій огонь изъ пушекъ по нашимъ двумъ ротамъ. Видя, что имѣющимися средствами невозможно оказать японцамъ и ихъ убійственному огню болѣе или менѣе серьезное сопротивленіе, генералъ Ляпуновъ, оставивъ въ скалахъ двѣ роты, чтобы занять ими непріятеля, самъ съ главными силами отступилъ къ деревнѣ Михайловкѣ, отстоящей отъ Александровскаго поста въ 4 верстахъ, чтобы оттуда проникнуть въ глубь острова.

Тѣмъ временемъ японскій флотъ, съ своею грозною артиллеріею заставилъ замолкнуть русскую горную батарею и стрѣлковъ на прибрежныхъ скалахъ и согналъ съ берега оставшихся еще въ живыхъ. Затѣмъ всѣ суда смѣло подошли еще ближе и, съ поразительной быстротою, стали одинъ за другимъ въ одну линію, образовавъ какъ бы мостъ изъ судовъ, длиною въ пять верстъ. Въ 5 часовъ пополудни японцы высадили на берегъ шестидесяти тысячное войско, бодрое и снаряженное до послѣдней пу-

говицы.

Въ это время генералъ Ляпуновъ, вмѣстѣ съ главными вооруженными силами острова и боевыми припасами, въ полномъ порядкѣ отступалъ въ глубь острова, чтобы укрѣпиться около села Рыковскаго и тутъ встрѣтить непріятеля рѣшительнымъ боемъ.

Скорымъ маршемъ отрядъ направился къ деревнѣ Рыковской. Я былъ съ отрядомъ. Но, какъ видно, въ расчеты японцевъ вовсе не входило оставить насъ на нѣкоторое время въ покоѣ и дать нашему генералу укрѣпиться и создать для себя благопріятныя условія. Командующій японскимъ сухопутнымъ войскомъ генералъ Харанкичи со своимъ побѣдоноснымъ 60-ти тысячнымъ отрядомъ не терялъ времени и преслѣдовалъ насъ съ тою же быстротою и спѣшностью, съ какою мы углублялись въ глубь страны. Высадившись на берегъ въ понедѣльникъ 11-го іюля и завладѣвъ Александровскимъ постомъ, японцы въ тотъ же день выслали за нами конные рекогносцировочные отряды, которые прошли болѣе короткой дорогой и, опередивъ насъ, имѣли съ нами въ двухъ мѣстахъ легкія столкновенія. Безъ сомнѣнія, въ ихъ отрядѣ были люди, хорошо знакомые съ мѣстностью, потому что во время преслѣдованія, они

держались такъ увѣренно, какъ будто двигались по хорошо знакомой мѣстности.

12-го іюля нашъ отрядъ добрался до большого села Рыковскаго, имѣвшаго тогда до 600 дымовъ населенія. Генералъ Ляпуновъ сталъ лагеремъ въ двухъ верстахъ отъ деревни. Я пошелъ въ деревню, нанялъ на главной уличкѣ хату, перевелъ семью туда и самъ вернулся въ лагерь, чтобы поздно ночью вновь навѣстить своихъ.

13 іюля японскій рекогносцировочный конный отрядъ, въ составѣ около 100 человѣкъ, вступилъ въ деревню. Японцы быстрымъ галопомъ въѣзжали въ село, показываясь одинъ за другимъ, въ промежутки черезъ каждыя полъ минуты, съ особенною смѣлостью прискакали на главную площадь села, передъ церковью, и отсюда стали разставлять свои патрули по всей длинѣ улицы. Было ясно, что японскія войска не въ далекѣ и ихъ появленіе — вопросъ нѣсколькихъ часовъ. На слѣдующее утро, приготовившись, я вышелъ было изъ дому, чтобы отправиться на мѣсто службы, но жена насильно удержала меня, требуя, чтобы я остался дома еще немножко, въ ожиданіи событій. Но работу оставить было нельзя; на мнѣ лежали обязанности, которыя я долженъ былъ испол-

нить. И пока я готовился выйти изъ дому, внезапно въ нижней части деревни затрещали тысячи ружей и пули завизжали по всѣмъ направленіямъ въ деревнѣ. Это былъ японскій отрядъ, который безъ всякаго сопротивленія вступалъ въ деревню.

Я вернулся въ комнату. Между тѣмъ, ружейный трескъ ни на секунду не умолкалъ. Какъ будто кругомъ небо и земля сошлись и боролись другъ съ другомъ въ убійственныхъ судорогахъ и грозили поглотить, уничтожить всѣхъ. На улицахъ Рыковска и передъ домами валялись уже до 600 труповъ. Японскія неумолимыя пули не пощадили никого — ни стариковъ, ни женщинъ, ни молодыхъ и дѣтей. Трупы ихъ валялись въ кучахъ и въ разбросъ по всѣмъ уличкамъ деревни. Неумолимый Богъ войны распростеръ свои смертоносныя крылья надъ мирной и жалкой деревней, гдѣ пріютились зачисленные въ крестьянство бывшіе каторжники и кое какъ влачили съ семьями свое жалкое существованіе. Вѣроятно, начальникъ японскаго отряда въ Рыковскѣ заподозрилъ существованіе заговора или засады, устроенной имъ въ деревнѣ, хотя ихъ рекогносцировочный отрядъ ничего подобнаго не нашелъ. Такую безпощадность японскихъ войскъ къ населенію дерев-

ни можно объяснить, вѣроятно, еще тѣмъ, что въ то же утро въ деревнѣ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, они нашли изрѣзанными на куски нѣсколько человѣкъ изъ своего передового отряда, прибывшаго въ деревню наканунѣ.

Когда японцы рано утромъ ворвались въ деревню, распространяя кругомъ смерть, я потерялъ надежду на спасеніе дѣтей. Въ эту минуту я страдалъ глубже, сильнѣе, чѣмъ во время шестнадцатилѣтняго заключенія и каторги. Но что было дѣлать противъ неизбѣжнаго? И я ждалъ исхода дѣла.

Черезъ часъ-другой стрѣльба въ селѣ совсѣмъ прекратилась и только издалека доносился сильный орудійный громъ, который также постепенно стихъ, потому что русскій отрядъ не оказалъ сопротивленія и по приказу генерала Ляпунова отступилъ вновь на сѣверъ, къ окрестностямъ деревни Онара. Пушки перестали грохотать, но конца японскихъ войскъ не было видно: они все проходили по главной улицѣ и только къ вечеру прошелъ ихъ арьергардъ.

Когда японское войско уже заняло деревню и, не видя никакого сопротивленія, прекратило бойню, наиболѣе смѣлые изъ крестьянъ, пріободренные мирнымъ настроеніемъ войскъ, мало по ма-

лу повылѣзли изъ своихъ хатъ и стали смотрѣть на побѣдное шествіе японцевъ. Я тоже, въ числѣ другихъ, несмотря на всѣ протесты домашнихъ, вышелъ на улицу и, расположившись подъ большимъ вѣтвистымъ деревомъ, сталъ наблюдать. Съ полъ часа я наблюдалъ за ними, когда отъ японцевъ вдругъ отдѣлились двое, одинъ полковникъ и другой офицеръ, и подошли ко мнѣ совсѣмъ близко. Офицеръ обратился ко мнѣ на чистомъ русскомъ языкѣ:

— Вы учитель?

— Да, — отвѣтилъ я, застигнутый врасплохъ, не думая о томъ, какой я учитель.

— Вы живете въ этомъ домѣ? — спросилъ тотъ же офицеръ, показывая на мою избушку.

— Да, я живу здѣсь.

— Можно войти къ вамъ?

— Пожалуйста, — сказалъ я и пошелъ впередъ, не будучи въ то же время въ состояніи понять, почему эти офицеры остановились на моей квартирѣ и чѣмъ моя деревянная избушка бросилась имъ среди другихъ въ глаза.

Мы вошли въ комнату. Жена давно сварила чай, теперь она вновь согрѣла его и подала на столъ. Находясь все

время въ приподнятомъ нервно-напряженномъ состояніи, мы почти ничего не пили и не ѣли. Теперь были «гости», хоть и незванные, и надо было ихъ угощать. Вначалѣ жена и дѣти отъ испуга почти онѣмѣли. То же чувство страха за жизнь близкихъ мнѣ существъ овладѣло и мною. Но гости мои не обнаруживали никакого враждебнаго къ намъ чувства, по крайней мѣрѣ, внѣшнихъ признаковъ враждебности я не видѣлъ. Мы понемногу успокоились.

— Сколько людей имѣетъ въ своемъ распоряженіи генералъ Ляпуновъ? — спросилъ офицеръ, говорившій на русскомъ языкѣ.

— Я каторжникъ, — отвѣтилъ я ему, избѣгая дать прямой отвѣтъ. Кромѣ того, я инстинктивно чувствовалъ, что сообщать врагу своего отечества во время войны свѣдѣнія могутъ лишь измѣнники, а я, хотъ и каторжникъ, былъ русско-подданнымъ и къ тому же добровольцемъ.

— Быть можетъ, вы не хотите сказать намъ правду? Но и такъ намъ все хорошо извѣстно, — добавилъ офицеръ и сталъ разспрашивать меня о другихъ вещахъ.

Въ дальнѣйшемъ опять, на его аналогичные вопросы, я замѣтилъ съ осторожностью, что ни на одинъ изъ этихъ

вопросовъ отвѣчать я не въ состояніи, что я простой каторжникъ, ничего общаго не имѣющій съ правительственными дѣлами, а, слѣдовательно, и неосвѣдомленный въ нихъ.

Мой отвѣтъ былъ достаточно опредѣленъ, но гость мой ни одной чертой своего лица не выдалъ того, остался онъ мною доволенъ или нѣтъ. Онъ приблизилъ къ себѣ стаканъ съ чаемъ и хотѣлъ спросить еще что то, какъ вдругъ взглядъ его упалъ на портретъ, на которомъ когда то я снялся съ моими учениками-японцами; на карточкѣ были даже ихъ надписи. И теперь я не въ состояніи отдать себѣ отчетъ въ томъ, какимъ образомъ этотъ портретъ очутился на столѣ. Вѣроятно жена, приводя наканунѣ комнату въ порядокъ, положила ее, какъ украшеніе, на столъ.

Офицеръ разсматривалъ ее довольно долго, а затѣмъ обратился ко мнѣ:

— Вы говорите, что вы учитель?

— Да, — отвѣтилъ я, — подтверждая мои прежнія слова.

— А это ваши ученики? — указалъ онъ на японцевъ, снятыхъ на карточкѣ.

— Да, мои ученики.

— Гм... а какъ имя вотъ этого! — показалъ онѣ мнъ пальцемъ на одного

изъ нихъ.

— Начу-Чи.

— А этого?

— Мура - Мацу.

— Этого?

— Нимото Моичи.

Такимъ образомъ, онъ распросилъ имена всѣхъ японцевъ, удивляя меня тѣмъ интересомъ, который онъ проявлялъ къ этимъ купцамъ. Какъ бы зла не вышло, — подумалъ я. И я имѣлъ право быть подозрительнымъ послѣ шестнадцати - лѣтнихъ страданій, пережитыхъ на Сахалинѣ, пріучившихъ меня быть каждую минуту на сторожѣ, въ особенности же теперь, передъ офицеромъ арміи, завладѣвшей островомъ, человѣкомъ, неизвѣстно зачѣмъ пришедшимъ ко мнѣ и знавшимъ, что я учитель.

Узнавъ имена всѣхъ, офицеръ приложилъ палецъ на изображеніе послѣдняго японца и, смотря мнѣ прямо въ лицо, спросилъ:

— А этотъ кто, будьте любезны сказать намъ?

Я остановился. Интонація ли его голоса, съ которой онъ задалъ послѣдній вопросъ, или что нибудь другое, подѣйствовало на меня до того, что память измѣнила мнѣ, я забылъ имя моего послѣдняго ученика и, несмотря на всѣ

мои старанія, не могъ вспомнить его имени. Послѣ безполезныхъ напряженій памяти, въ поискахъ за именемъ, я отвѣтилъ, что вспомнить его имени не могу.

— Какъ? — удивился офицеръ: — вашъ ученикъ и вы не помните его имени?

— Позабылъ, можетъ быть вспомню потомъ...

— Подумайте, можетъ вспомните.

— Нѣтъ, говоря правду, теперь я никакъ не могу вспомнить его имени. Но я надѣюсь, что когда нибудь да вспомню.

— Вы должны вспомнить, — подчеркнулъ японскій офицеръ и, подаривъ моимъ дѣтямъ разноцвѣтные карандаши и тетради, довольно любезно поблагодарилъ меня за гостепріимство и, уходя, прибавилъ:

— Мы еще встрѣтимся...

Я не понималъ значенія этого таинственнаго «мы еще встрѣтимся». Было ли это угрозой или простой вѣжливостью, — я не знаю. Во всякомъ случаѣ, это для меня не имѣло никакого значенія, и я отнесся довольно хладнокровно къ его обѣщанію новой встрѣчи. Только жена высказывала тысячу и одно опасеній и все старалась объяснить себѣ, съ какой цѣлью офицеру

японской арміи понадобилось указать мѣсто штаба своей арміи несчастному русскому каторжнику, съ совѣтомъ, въ случаѣ нужды, обратиться туда.

V.

Послѣ 14-го іюля, когда японское войско завладѣло Рыковскимъ, оно неустанно продолжало преслѣдовать генерала Ляпунова, котораго настигло вблизи деревни Онора, на берегу Охотскаго моря. Что могъ сдѣлать десятитысячный отрядъ, состоявшій изъ волонтеровъ, противъ 60-тысячной арміи, и безъ того опьяненной своими постоянными побѣдами? Генералъ Ляпуновъ со всѣмъ своимъ отрядомъ и военной аммуниціей попался въ плѣнъ къ японцамъ. Ихъ привезли сначала въ Рыковскъ, отсюда въ Александровскій постъ, гдѣ ихъ посадили на японскія военныя суда и перевезли немедленно въ Японію, послѣ чего японцы прочно основали свою власть на островѣ.

Битвы и стычки, бывшія на Сахалинѣ, имѣли для каторжанъ ужасныя послѣдствія. Немногіе только воспользовались впослѣдствіи привиллегіями, данными Высочайшимъ указомъ. Добровольцы-каторжане южной части острова всѣ почти были истреблены, сѣверной же части либо попали въ плѣнъ, либо пали

въ стычкахъ. Деревни опустѣли, голодъ и эпидемическія заболѣванія косили теперь свою богатую жатву.

Завоеваніе Сахалина было совершено съ удивительною быстротою. И съ такою же быстротою дѣйствовалъ въ Рыковскѣ японскій военный судъ. Головы такъ и летали отъ ударовъ японскихъ сабель. Достаточно было незначительнаго подозрѣнія, что данное лицо шпіонъ или избѣгнувшій плѣна русскій чиновникъ, и его разстрѣливали. Имѣя все это въ виду, многіе, чтобы избавиться отъ наказаній или плѣна, облачались въ платье каторжника, такъ какъ послѣднихъ японцы не трогали. если они не имѣли при себѣ оружія и если не оказывали сопротивленія.

Такимъ образомъ, въ числѣ многихъ другихъ, преобразились въ каторжниковъ помощникъ начальника Средняго Сахалина, полицеймейстеръ и секретарь полиціи. Они одѣли платья каторжниковъ. Условія такъ измѣнились, что помощникъ начальника цѣлой части острова, богъ острова, ввѣрилъ защиту своей жизни жалкимъ лохмотьямъ каторжника. Но и это не помогло... Число ненавидѣвшихъ ихъ было такъ велико, что они очень скоро были выданы японцамъ. Японскіе жандармы тутъ же на улицѣ, передъ глазами устрашеннаго населенія,

обезглавили ихъ.

Послѣ ихъ казни одинъ изъ русскихъ каторжанъ, находившійся тутъ же, подходитъ къ трупамъ, съ цѣлью снять съ трупа Саланины—помощника начальника—сапоги. Его уложили на мѣстѣ выстрѣломъ изъ ружья. Не прошло часа, какъ подошелъ другой и попробовалъ было рыться въ карманахъ труповъ. Японцы разстрѣляли его также. И лишь послѣ того, какъ былъ разстрѣлянъ за мародерство третій каторжникъ, никто не осмѣливался подойти близко къ трупамъ, не смотря на то, что японцы приглашали сами. Только къ вечеру три татарина изъ каторжниковъ взвалили трупы на телѣгу и вывезли изъ села. Одинъ изъ нихъ, разстегнувъ платье на груди трупа Саланины, нашелъ тамъ мѣшочекъ съ большою суммою денегъ, что то около 18 тыс. рублей. Татаринъ сохранялъ тайну о своей находкѣ въ теченіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ, пока самъ не былъ убитъ и не пропалъ вмѣстѣ съ деньгами.

Казни продолжались. Уже на второй день завоеванія Рыковска японское правительство издало объявленіе къ мѣстному населенію, въ которомъ заявляло, что островъ отнынѣ принадлежитъ Японіи, и требовало выдачи оружія у всѣхъ, у кого оно имѣлось. Страхъ передъ

японцами былъ настолько великъ и они свои угрозы приводили съ такою точностью въ исполненіе, что у всѣхъ пропало желаніе держать оружіе и послѣднее сдавалось всѣми японцамъ; боялись, потому что въ японскомъ приказѣ говорилось, что тѣ, у кого на слѣдующій послѣ сдачи день будетъ обнаружено оружіе, будутъ безъ дальнѣйшихъ разговоровъ разстрѣляны. У меня былъ револьверъ, который я отнесъ и сдалъ японцамъ, забывъ, однако, про патроны къ нему, которые остались дома.

На другой день послѣ сдачи оружія въ деревнѣ начались повальные обыски. И горе тому, у кого находилось оружіе. Такъ, у военнаго доктора нашли спрятанный въ постельномъ бѣльѣ маленькій револьверъ системы «Смитъ и Вессонъ». Доктора потащили на улицу и, несмотря на плачъ, поднятый ребятишками, и мольбы жены, тутъ же на мѣстѣ разстрѣляли.

Около двадцати японцевъ направились къ моей избѣ. По совѣту жены, я забралъ ребятишекъ и ушелъ въ садикъ при домѣ, откуда все, что ни совершалось дома, было видно хорошо. Немного спустя, японцы вошли въ мою квартиру, перевернули все въ домѣ вверхъ дномъ, но ничего не нашли, кромѣ тѣхъ забытыхъ патроновъ, которые—не знаю ка-

кимъ образомъ—остались дома. Японцы сейчасъ же вложили патроны въ ружья и, направивъ дула ихъ на жену, потребовали, чтобы она выдала оружіе. При видѣ этого сердце мое стало биться быстрѣе и быстрѣе... Я хотѣлъ бросить мое убѣжище и ворваться въ избу. Но я видѣлъ, что жена не растерялась. Несмотря на направленныя на нее ружейныя дула, она категорич. заявила имъ, что дома никакого оружія нѣтъ, что оно сдано японцамъ еще вчера, а о существованіи патроновъ она никакого понятія не имѣла, иначе сдала бы и патроны. Наконецъ, они ушли; я вздохнулъ свободнѣе и вернулся въ избу.

Но бѣда на этомъ не закончилась. Какъ я уже разсказывалъ, мѣстные жители изъ страха или ненависти, выдавали всѣхъ тѣхъ, кто обладалъ на островѣ хоть незначительной властью и теперь, для спасенія жизни, скрывался въ платьѣ каторжника. Послѣ того, какъ генералъ Ляпуновъ со своимъ отрядомъ былъ взятъ въ Японію, какъ разъ въ самый разгаръ разстрѣловъ, японскіе жандармы пришли, заарестовали двухъ тюремныхъ надзирателей, скрывавшихся по сосѣдству съ моей избою, затѣмъ окружили мою избу, вызвали меня, прочли фамилію и... арестовали меня также, какъ русскаго чиновника, скрывавшаго-

ся въ костюмѣ каторжника.

Жена и дѣти подняли отчаянные крики и плачъ. Для нихъ уже было ясно, что возврата для меня больше нѣтъ. Ихъ плачъ и рыданія, когда смерть уже витала надо мною, дѣлу помочь не могли. Я послѣдній разъ оглянулся кругомъ и, чтобы хоть немного утѣшить жену и дѣтей, сказалъ имъ нѣсколько прощальныхъ словъ. Но меня тотчасъ же окружили жандармы. Все это совершилось въ нѣсколько секундъ. Въ одинъ мигъ прошли передъ моими глазами, какъ передъ глазами умирающаго, всѣ моменты моей жизни, отъ турецкой границы до цѣпей каторжника на Сахалинѣ, мое зачисленіе въ добровольцы, нашествіе японцевъ и потерянную свободу, которую никакъ не удавалось вернуть снова, но которую я долженъ былъ увидѣть скоро подъ блескъ японскихъ сабель, на плахѣ... Но вѣдь это тоже своего рода свобода—свобода отъ оковъ, страданій и безконечныхъ мукъ!..

По дорогѣ одинъ изъ надзирателей упалъ въ обморокъ и его несли почти на рукахъ. Другой тоже велъ себя не особенно храбро, хотя шагалъ безъ посторонней помощи. Я шагалъ машинально, не чувствуя, куда меня ведутъ, тдѣ я нахожусь и что совершается вокругъ.

Главный военный штабъ японцевъ

пріютился тамъ, гдѣ прежде была квартира русскаго губернатора острова. Балконъ этого зданія смотрѣлъ на площадь, гдѣ обыкновенно казнили заподозриваемыхъ въ шпіонствѣ и сопротивленіи русскихъ. Насъ тоже повели на эту площадь, но прежде чѣмъ казнить, повели черезъ балконъ въ комнату, гдѣ сидѣлъ какой то старый генералъ, какъ оказалось впослѣдствіи, генералъ Харанкичи.

Когда насъ ввели къ генералу, адъютантъ его, молодой офицеръ, подошелъ къ нему и сталъ что то быстро говорить. Генералъ слушалъ внимательно рѣчь адъютанта, которую я, несмотря на мои небольшія знанія въ японскомъ языкѣ, совершенно не понялъ, вслѣдствіе сильно взволнованнаго душевнаго состоянія, въ которомъ находился. И ихъ разговоръ запечатлѣвался у меня, какъ какое то неопредѣленное жужжаніе, которое монотонно и глухо раздавалось въ комнатѣ. О чемъ они говорили,—я такъ и не понялъ. Мнѣ только почему то смутно показалось, что послѣ разговора генералъ Харанкичи посмотрѣлъ со скрытой улыбкой въ мою сторону и приказалъ вывести насъ, сказавъ еще что то по моему адресу. Жандармы окружили насъ троихъ, взяли насъ на площадь, гдѣ меня оставили за оцѣпленіемъ. Только черезъ минуты двѣ я инстинктив-

но почувствовалъ, что я свободенъ, и обернулся по направленію къ улицѣ. И едва я успѣлъ обернуться, какъ на моихъ глазахъ сабли поднялись и головы моихъ несчастныхъ товарищей по судьбѣ слетѣли на пыльную площадь...

Завернувъ на улицу, я пошелъ быстро, но машинально, не чувствуя своей свободы. То, что случилось въ эти ужасныя минуты, продолжалось безконечно долго, какъ цѣлые вѣка, было похоже на ужасный кошмаръ, который всей своей тяжестью давилъ мнѣ душу и сердце... И я не почувствовалъ, какъ я прошелъ мимо моей хаты, гдѣ, навѣрное, терзались отъ горя жена и дѣти, не почувствовалъ, какъ прошелъ всю улицу и вышелъ за село. Я проснулся отъ этого кошмарнаго сна лишь въ полѣ, протеръ себѣ лобъ, подобно пробудившемуся отъ глубокаго сна, въ одну минуту далъ себѣ отчетъ во всемъ происшедшемъ и быстрымъ шагомъ направился къ дому.

Когда я открылъ дверь и вошелъ въ комнату, находившіеся тамъ какъ будто сразу окаменѣли. Какъ будто они не вѣрили, что вернувшійся—это я. Они ни одной секунды и не предполагали, что я остался живъ, и уже оплакивали меня, такъ какъ изъ тысячи примѣровъ они знали, что рѣшеніе японскаго военнаго

суда для всѣхъ и во всякихъ условіяхъ равносильно смерти. Жена и дѣти, опомнившись, подошли, бросились на меня, цѣловали мнѣ лицо и руки... Я обнялъ ихъ и только теперь я далъ волю своимъ чувствамъ: я не выдаржалъ и заплакалъ.

Когда въ Рыковскѣ узнали, что меня съ двумя надзирателями взяли на казнь, мои пріятели, политическіе каторжане, пришли къ намъ—утѣшить жену и дѣтей... И теперь они не меньше обрадовались моему возвращенію, хотя острое подозрѣніе по поводу моего освобожденія жгло ихъ сердце. И когда я овладѣлъ собою, они спросили:

— Скажи, Бога ради, ты совершенно свободенъ?

— Не знаю,—отвѣтилъ я имъ, но замѣтивъ отчаяніе жены, прибавилъ: если бы я не былъ свободенъ, то и не былъ бы здѣсь съ вами.

— Говоря правду, я думалъ, что это или недоразумѣніе, или тебя выпустили на самое короткое время, для какого нибудь дѣла,—сказалъ одинъ изъ пріятелей.—Но какъ это случилось, что тебя не казнили, что это за чудо?

— Я и самъ не знаю. Я шелъ или, точнѣе говоря, меня вели на неминуемую смерть. Доказательствомъ этому могутъ служить взятые со мной тюремные над-

зиратели, которыхъ обезглавили. А я, какъ видите, несу еще голову на плечахъ и сижу между вами. Какъ случилось это и чѣмъ объяснить,—я самъ не понимаю.

— Объясненія излишни, ну ихъ... Довольно уже того, что ты свободенъ... сказали пріятели и, радуясь, ушли, оставивъ насъ съ нашимъ счастьемъ.

VI.

На слѣдующее утро я остался дома, погруженный въ черныя думы о моемъ будущемъ. Вѣдь я подвергнувъ свою жизнь опасности, записался добровольцемъ, чтобы потомъ пріобрѣсти свободу, къ которой я стремился всѣмъ своимъ существомъ, всѣми фибрами души въ теченіе безконечно долгихъ лѣтъ... А теперь? Генералъ Ляпуновъ вмѣстѣ съ войскомъ взятъ въ плѣнъ. Сахалинъ въ рукахъ японцевъ, за каждое малѣйшее неповиновеніе намъ грозитъ растрѣлъ, положеніе всего населенія острова неопредѣленное, шаткое... Что было дѣлать?

Среди тяжкихъ думъ, вдругъ кто то постучался въ дверь моей избы.

— Войдите! — крикнулъ я, поднявъ голову.

Дверь отворилась. На порогѣ стоялъ тотъ самый офицеръ, который вчера

былъ у генерала Харанкичи въ качествѣ адъютанта. Это былъ тотъ самый офицеръ, который третьяго дня былъ у меня съ японскимъ полковникомъ и распрашивалъ про японцевъ, снятыхъ на фотографической карточкѣ вмѣстѣ со мною. Я вспомнилъ, что при уходѣ онъ обѣщалъ вновь встрѣтиться со мною — вотъ мы и встрѣчаемся снова, но не къ добру, конечно, должна быть эта встрѣча: вѣроятно меня кто нибудь предалъ японцамъ, — думалъ я.

— Можно? — спросилъ онъ разрѣшенія, стоя у порога.

— Пожалуйте, — повторилъ я мое приглашеніе.

Офицеръ вошелъ, поздоровался и, улыбаясь, обратился ко мнѣ.

— Ну, вы и теперь не знаете, чей это портретъ, надъ которымъ третьяго дня вы такъ долго ломали голову?

Удивленный, я сначала посмотрѣлъ на портретъ, затѣмъ на офицера. Мои глаза раскрылись какъ будто только теперь.

— Это вы, Агава, это вы? — воскрикнулъ я, обнимая его.

Это былъ онъ, одинъ изъ бывшихъ моихъ учениковъ - японцевъ, одинъ изъ тѣхъ японскихъ купцовъ, которые торговали на Сахалинѣ и съ которыми я былъ снятъ на фотографіи.

— Какъ это я не узналъ васъ съ перваго взгляда? — сказалъ я, какъ только волненіе немного улеглось.

— Не знаю, право, — отвѣтилъ онъ. Я былъ также не менѣе удивленъ, видя, что учитель мой забылъ меня.

Завязалась теплая задушевная бесѣда. Я позабылъ про бури, что пришлось перенести мнѣ, и сталъ распрашивать объ остальныхъ моихъ ученикахъ.

— А гдѣ же Куба-Яси? — спросилъ я.

— Онъ также офицеромъ и находится при сахалинской арміи.

— А Магазито?

— Онъ тоже служитъ офицеромъ,— отвѣтилъ онъ, назвавъ мнѣ какой то полкъ.

Изъ дальнѣйшихъ распросовъ я узналъ, что большая часть моихъ учениковъ находятся сейчасъ въ качествѣ офицеровъ при разныхъ частяхъ японскаго отряда на Сахалинѣ.

Итакъ, всѣ тѣ мелкіе торговцы, которые занимались два года тому назадъ торговлей рыбой и другими мелкими товарами въ Александровскомъ посту, оказались японскими офицерами, изучавшими подъ видомъ купцовъ островъ во всѣхъ его подробностяхъ. И это изученіе и сослужило японской арміи хорошую службу. Вотъ чѣмъ надо объ-

яснить то обстоятельство, что японскія войска безошибочно и съ поразительною быстротою проникали всегда въ ту мѣстность, куда указывалъ командующій войсками.

— Но знаете, моя голова не должна была сидѣть сегодня на этихъ плечахъ, сказалъ я Агавѣ.

— Какъ? — спросилъ онъ.

— Вѣдь я былъ приговоренъ къ смерти. Двое моихъ товарищей по участи обезглавлены вчера, а я какимъ то чудомъ уцѣлѣлъ. Я не въ состояніи объяснить себѣ, въ чемъ дѣло?

— Хотите, я объясню, — отвѣтилъ, смѣясь, Агава.

— Я былъ бы вамъ очень благодаренъ, если бы вы объяснили.

— То, что васъ не обезглавили, лишь простая случайность. Не будь этой случайности, мы не сидѣли бы сейчасъ здѣсь за дружеской бесѣдой... Вы же видѣли меня вчера въ главномъ штабѣ, у генерала Харанкичи?

— Да, теперь я припоминаю, что видѣлъ васъ тамъ, но не узналъ...

— Вы должны помнить, что балконъ помѣщенія штаба смотритъ на ту площадь, гдѣ большею частью происходятъ казни. Стоя на балконѣ, я глядѣлъ отъ нечего дѣлать по сторонамъ, какъ вдругъ я замѣтилъ, какъ приводятъ

трехъ арестованныхъ къ мѣсту казни. Хотя мы, военные, и видѣли много крови, привыкли къ ужасамъ войны, но тѣмъ не менѣе человѣческое сердце не въ состояніи выносить, когда поймаютъ беззащитныхъ людей и отрубаютъ имъ, какъ баранамъ, головы. Хотя военные законы неумолимо требуютъ этого, но это отвратительно, это противно совѣсти!... Я хотѣлъ отвернуться, чтобы не видѣть казни, но внезапно сталъ какъ вкопанный: среди приговоренныхъ я увидѣлъ васъ, моего учителя... Тогда я приказалъ ввести всѣхъ васъ къ генералу... Остальное вы уже знаете...

— Нѣтъ, я не знаю. Разсказывайте, пожалуйста, — воскликнулъ я, вперивъ глаза въ моего собесѣдника.

— Но вѣдь вы были тамъ?

— Да, я былъ тамъ, но я былъ въ такомъ взволнованномъ состояніи, что ничего не понялъ.

— Когда васъ ввели къ генералу, — продолжалъ разсказывать Агава, — я подошелъ къ генералу и доложилъ ему, что вы въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ были нашимъ учителемъ, что мы всѣ прекрасно знаемъ васъ, что вы политическій преступникъ и были сосланы на каторгу по такимъ то и такимъ то причинамъ, и что, наконецъ, вашъ арестъ недоразумѣніе. Выслушавъ меня внима-

тельно, генералъ приказалъ тотчасъ же освободить васъ.

Меня, въ самомъ дѣлѣ, спасла небольшая случайность. Не стой Агава на балконѣ или обернись онъ минутою позже, все было бы кончено.

Послѣ этого, удовлетворяя моему любопытству, Агава въ краткихъ чертахъ нарисовалъ мнѣ картину русско-японской войны. Передо мною мелькали и проходили Ялу, Ліао-Янъ, Тюренченъ, Мукденъ, Портъ-Артуръ, Цусима и др. и всюду вереницы побѣдъ и ни одного пораженія... Я весь превратился въ слухъ, но никакъ не могъ повѣрить, что колоссъ — Россія побѣждена карликомъ — Японіей. Развѣ сила Россіи была сказкой? Но я зналъ о храбрости русскаго войска, о геройскихъ его подвигахъ на протяженіи всей исторіи. Оно всегда оставалось побѣдителемъ и героемъ. Почему же оно теперь поражено? Изъ описаній Агавы я заключилъ, что виною пораженій было не войско, не солдаты, что причину пораженій надо искать въ другомъ мѣстѣ...

Агава ушелъ, сказавъ, чтобы въ случаѣ надобности я обратился къ нему. Послѣ того я встрѣтилъ его еще одинъ разъ — съ нимъ были и другіе. Они предлагали мнѣ переѣхать въ Японію, поселиться въ Нагасаки и устроиться въ

японскихъ школахъ учителемъ русскаго языка. Я отвѣтилъ неопредѣленно, такъ какъ мое положеніе не было еще выяснено. Въ теченіе 16-ти лѣтъ я грезилъ о родинѣ, душою и сердцемъ жилъ все время тамъ. Согласно Императорскому указу, я записался въ добровольческій отрядъ, участвовалъ въ стычкахъ, несъ всѣ обязанности добровольца, исполнялъ всѣ приказы моихъ непосредственныхъ начальниковъ и теперь имѣлъ право считаться свободнымъ, имѣлъ право вернуться на родину.

Но кто долженъ былъ дать мнѣ это право, кто долженъ былъ вооружить меня всесильными официальными бумагами? Изъ русской администраціи на островѣ никого не было, японцы же были побѣдителями... И я рѣшилъ категорически не отказываться отъ предложенія японцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ изыскать всѣ средства, чтобы вернуться на родину.

Война имѣла для Сахалина самыя ужасныя послѣдствія. Большая часть населенія его была уничтожена или во время войны непосредственно, или послѣ войны — погибла отъ голода, болѣзней и разныхъ другихъ причинъ. Хозяйство ихъ было совершенно разгромлено. Нѣсколько времени спустя послѣ завоеванія острова, японское пра-

вительство объявило всѣмъ русско-подданнымъ, остававшимся еще на Сахалинѣ, каторжанамъ и вольнымъ, что островъ теперь находится во власти японцевъ и кто желаетъ остаться на островѣ, тотъ долженъ принять непремѣнно японское подданство, получая вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ тѣ права, какими пользуются коренные японцы. Кто же не думаетъ принять японское подданство, тотъ долженъ покинуть Сахалинъ и отправиться въ Россію, на что выѣзжающимъ предоставлялись для переправы японскіе пароходы. Любовь къ родинѣ и тоска по материку такъ сильно владѣли сердцами всѣхъ каторжанъ, что преобладающее большинство ихъ выразило желаніе перебраться на материкъ. Японцы предоставили для перевозки желающихъ пассажирскіе пароходы. Огромныя толпы каторжанъ наполнили всѣ помѣщенія пароходовъ, оставляя все на островѣ, потому что имъ разрѣшалось брать съ собою ровно столько, сколько помѣщалось въ большихъ узлахъ, наваленныхъ на ихъ спины. Но судьба возвращавшихся была ужасной, ужасной въ особенности благодаря послѣдствіямъ. Выйдя на восточно-азіатскій берегъ, они плелись, голодные и холодные, по амурской дорогѣ и погибали большею частью въ лѣсахъ отъ голода или въ когтяхъ

звѣрей. Изъ десятковъ тысячъ эмигрировавшихъ съ Сахалина спаслись только 1,000 — 1,200 человѣкъ. Но и они неминуемо погибли бы, если бы не помощь, хоть и запоздалая, русскаго правительства.

Такимъ образомъ, островъ совершенно опустѣлъ. Можно было посѣтить десятки деревень и не найти въ нихъ ни одного человѣка, кромѣ пустыхъ деревянныхъ избъ. На деревенскихъ уличкахъ бродили одичавшія домашнія животныя: брели, опустивъ шею, лошади, голодныя и исхудалыя, на покупку которыхъ обыкновенно тратились послѣднія сбереженія, платя за лошать 100-150 рублей. Коровы, стоющія 200 рублей и болѣе, съ голоду мычали по цѣлымъ днямъ. Но не было хозяина и никому онѣ не были нужны...

Вотъ въ такомъ состояніи находился островъ, когда я, раздобывъ телѣгу и взявъ съ собою жену и дѣтей, выѣхалъ изъ Рыковской по направленію къ Александровскому посту, въ надеждѣ выяснить тамъ условія и то, что я долженъ былъ предпринять въ ближайшемъ будущемъ.

Я кое какъ добрался до Александровскаго поста, но оказалось, что домикъ мой занятъ японскими офицерами. Послѣ долгихъ просьбъ, они освободили для

меня и семьи одну комнату.

По всѣмъ признакамъ было видно, что, волей иль неволей, но мнѣ придется въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ или даже цѣлаго года остаться на Сахалинѣ. Правда, къ этому времени я уже запасся кое какъ нѣсколькими бумагами, на основаніи которыхъ я могъ, какъ свободный гражданинъ, вернуться въ Россію...

Къ этому времени, кажется, къ концу ноября, на Сахалинъ пріѣхалъ генералъ Валуевъ, который объявилъ оставшимся въ живыхъ сахалинцамъ, что 17-го октября былъ изданъ Высочайшій манифестъ, народу были дарованы всевозможныя свободы, а островъ, сѣверная часть котораго остается во владѣніи Россіи, отнынѣ больше не будетъ служить мѣстомъ ссылки и каторги, а будетъ свободною губерніей, какъ всѣ остальныя губерніи Россіи, съ тѣми же законами, какими управляются остальныя...

Теперь я былъ вдвойнѣ свободенъ — по Высочайшему указу и какъ добровольцъ.

О поѣздкѣ въ Японію я уже больше не думалъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ открытія морей, чтобы отправиться въ Россію.

И вотъ, наконецъ, пришла, наступи-

ла эта желанная минута...

Ледъ растаялъ, моря освободились отъ оковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ наступила новая весна въ моей жизни...

Разставаясь съ моею каторжною жизнью на Сахалинѣ и со всѣми ея страданіями и горечями въ продолженіе шестнадцати съ половиной лѣтъ, — въ іюнѣ 1906 года я вступилъ на бортъ парохода.

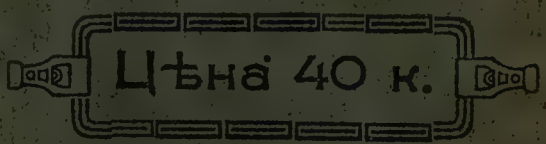
Минута освобожденія! Лучшая, высшая минута моей жизни!

Я возвращался на родину...

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ _____ 19 г.

7-50/05 33 04
1,90

Цѣна 40 к.



75